

- ⁴⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России... Т. 2. С. 41–42.
- ⁴⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 119–124.
- ⁴⁹ Уорт Р. Указ. соч. С. 265.
- ⁵⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 208–209.
- ⁵¹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 116.
- ⁵² ДВП СССР. Т. 1. С. 212.
- ⁵³ Там же. С. 312.
- ⁵⁴ Случ С.З. Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁵ Булдаков В.П. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993. С. 29–30.
- ⁵⁶ Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁷ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 33, п. 2, л. 49.
- ⁵⁸ Там же, л. 95.
- ⁵⁹ Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте–июне 1918 года // Отечественная история. № 1. 1994. С. 74–88.
- ⁶⁰ Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 13.
- ⁶¹ Цит. по: Голдин В.И. Интервенты или союзники?... С. 76.
- ⁶² Там же. С. 81.
- ⁶³ В.И. Ленин о советской внешней политике. М., 1979. С. 63–64.
- ⁶⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 164.
- ⁶⁵ Заброшенные в небытие... С. 443–444.
- ⁶⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 376.
- ⁶⁷ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 220–221.
- ⁶⁸ История дипломатии. Т. 2. М.; Л., 1945. С. 389.
- ⁶⁹ Россия и Германия в годы войны и мира... С. 31.
- ⁷⁰ Ботмер К., фон. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. Нью-Йорк, 1999. С. 120.
- ⁷¹ Случ С.З. Указ. соч. С. 32.
- ⁷² Заброшенные в небытие... С. 447.
- ⁷³ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. Указ. соч. С. 50.
- ⁷⁴ Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 73.
- ⁷⁵ Системная история международных отношений в 4 томах. 1918–2000. Т. 2. Документы 1918–1940-х гг. М., 2000. С. 21.
- ⁷⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 201.
- ⁷⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 549, 556.

© 2012 г. С. В. ЛИСТИКОВ*

«РУССКИЙ СЛЕД» В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Американской интервенции в России в 1918–1920 гг. посвящены десятки трудов отечественных и зарубежных исследователей. Особое внимание при этом вполне оправданно уделялось ее предыстории и начальному этапу. Скрупулезно анализировалось все многообразие обстоятельств, в конечном счете подтолкнувших президента В. Вильсона к «решению вмешаться»¹. При этом среди влиявших на него факторов

* **Листиков Сергей Викторович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00-152а.

менее других исследована позиция русских антибольшевистских сил, весной 1918 г. обнаруживших весомые причины добиваться военной поддержки со стороны союзников и США². А между тем изучение этого сюжета помогает лучше понять, почему интервенция начиналась так натужно, развивалась по столь сложному сценарию, завершилась серьезной внешнеполитической и военной неудачей стран-участниц, на десятилетия во многом определив конфронтационный характер отношений между западными демократиями и большевистской Россией.

В первые месяцы 1918 г. русские дипломаты все чаще размышляли о пользе силового вмешательства союзников в «русские дела», поскольку большевикам удалось, в условиях жесточайшей экономической разрухи, производя действия внутри страны и неприятия за рубежом, удержаться у власти. «Когда произошел большевистский переворот, между союзниками не было единства по отношению к России, – вспоминал в феврале 1919 г. русский поверенный в делах в Великобритании К.Д. Набоков, – не было сознания, что помощь нам в борьбе с анархией и террором – задача одинаково жизненная и неотложная, как борьба с германской коалицией. Получилась среди союзников полная разногласица. Тут, впрочем, мы и сами отчасти виноваты. Провозглашалось многими “авторитетными” русскими, что режим Ленина и Троцкого не продлится более пяти дней, двух недель, месяца. Месяцы шли, а Европа не видела признаков активного сопротивления этому режиму»³.

Выживание советского режима объяснялось переплетением внешне- и внутриполитических факторов. Антигерманская коалиция добивалась прежде всего победы в войне, ее участникам было «не до большевиков». Ненависть к ним элит западных демократий, возникшая с момента насильственного захвата власти осенью 1917 г., накапливалась по мере развития «русского» социального эксперимента, усиления репрессий против политических противников и интеллигенции, разгона Учредительного собрания и установления диктатуры. Пока на Западе сохранялась надежда на то, что Брестский договор не будет подписан или его условия не будут выполнены, а Россия останется в «одном строю» с союзниками, ряд дипломатов, военных, разведчиков (американский генерал У. Джадсон, представитель Американского Красного Креста Р. Робине, британский разведчик и дипломат Б. Локкарт, глава французской военной миссии генерал А. Ниссель) поддерживали контакты с большевиками, особо выделяя Л.Д. Троцкого, в котором они видели руководителя, настроенного на конструктивную работу. Неудачи этих контактов, Брестский мир и весеннее наступление немцев на Западном фронте, давшее повод говорить о переброске войск из России, ожесточили политиков стран Антанты и США. Пугало их и стремление большевиков к разжиганию «революционного пожара» по всему миру⁴. Только в мае-июне, свидетельствовал 5 июля 1918 г. русский посол в США Б.А. Бахметев, «как будто кристаллизовалось желание союзников заняться Россией»⁵.

Однако в российском обществе весной 1918 г. не было силы, способной свергнуть «зурпаторов власти». «Ленинцы», по мнению их противников, не пользовались тогда популярностью у широких слоев населения России (проведенные в ноябре–декабре 1918 г. выборы в Учредительное собрание показали, что за большевиками шло лишь около четверти избирателей)⁶. Но люди, в массе своей настроенные нейтрально или даже антибольшевистски, были пассивны, они смертельно устали от потерь и лишений, выпавших на их долю за годы войны. Вновь проливать кровь, причем не в сражениях с «германцем», а в борьбе с властью, пускаяй незаконной, но установленной «своими», русскими большевиками, желали немногие. Оппозиция (новым хозяевам России), от кадетов до эсеров, не могла преодолеть межпартийные и внутренние разногласия.

В результате, белые дипломаты и политики все чаще приходили к убеждению, что для сплочения антибольшевистских сил внутри России нужен «внешний толчок». «Без иностранной помощи восстановление порядка в России представляется совершенно невозможным. Партии и отдельные лица не в состоянии объединиться, не умея найти общей линии ценой уступок в области частных партийных интересов», – считал в августе 1918 г. бывший министр иностранных дел Временного правительства М.И. Те-

решенко⁷. «Медленность в организации вмешательства имеет последствием рост уверенности, что союзники не могут или не хотят помочь России», – с тревогой отмечал 28 апреля 1918 г. Бахметев. Он опасался, что, в поисках силы для наведения порядка в стране, «Россия добровольно подчинится Германии»⁸. «Сегодня в газетах краткие тревожные вести о примирении с Германией союза Землевладельцев и промышленников во главе с Кривошеинным, Гурко, Федоровым...», – сообщал ему 23 апреля (3 мая) посол в Париже В.А. Маклаков. – Не забывайте быстро растущего в России монархизма и германофильства. Больше медлить нельзя»⁹.

Таким образом, по мысли белых дипломатов, Россия весной 1918 г. стояла перед жесткой альтернативой: либо союзная интервенция, либо – превращение в сателлита и экономический «придаток» Германии, расчленение и реставрация авторитарных порядков. «Без посторонней... помощи оздоровление России пойдет так медленно, что ею раньше овладеют немцы...», – писал Маклаков Бахметеву 3 мая. – Для успеха вмешательства нужно в самой России сознание необходимости коренного перелома и образование, хотя бы зачаточное, будущего правительства... Наконец, я думаю, что без форсированного оздоровления России союзники не победят и, следовательно, Россия окажется расчлененной. По поводу этих главных положений мы, кажется, согласны»¹⁰. Оба торопили западное вмешательство. Однако предложение Бахметева собрать за пределами России «авторитетную группу» русских политиков, которая обратилась бы к союзникам с просьбой о вмешательстве, Маклаков отверг. По его мнению, это слишком напоминало Кобленц времен Великой французской революции. Кроме того, он констатировал, что русские умеренные, либералы и социалисты, находясь у власти в 1917 г., своей «неумелостью» дискредитировали себя в глазах Запада. К их мнению в европейских столицах прислушиваться бы не стали»¹¹.

Больше надежд вселяло появление на Дальнем Востоке и в Сибири военных вождей – Д.Л. Хорвата, П.Я. Дербера, А.В. Колчака, Г.М. Семенова, – опиравшихся на вооруженную силу и готовых вести с большевиками решительную борьбу¹². «На этих военных движениях, казалось бы, должно пока сосредоточиться главное внимание союзников», – 25 июля делился своими соображениями с послом в Париже Бахметев, считавший жизненно необходимой поддержку белых вооружением и деньгами¹³. Русский посол в Японии В.Н. Крупенский 26 мая (6 июня) 1918 г. убеждал Маклакова: «Желательно воздействовать на американское и английское правительство, объяснить им, что будущее правительство Хорвата имеет целью создать русскими силами русский фронт против немцев, для осуществления этой задачи нуждается в немедленном освобождении от большевиков при помощи союзников хотя бы части русской территории, на которой... возможно начать образование русской армии и концентрацию русских сил, ввиду чего выступление Японии даже в одной Восточной Сибири будет служить интересам союзников»¹⁴.

С подачи русских дипломатов или без оной, интерес к действиям антибольшевистских сил пробудился и у американских политиков самого высокого ранга. 18 апреля 1918 г. В. Вильсон запросил информацию о них, и уже 22 апреля государственный секретарь Р. Лансинг представил президенту меморандум своего сотрудника Б. Майлза. В нем указывалось, что сторонники Дербера пользуются известной популярностью у населения, тогда как «контрреволюционная» группа Хорвата такой поддержки не имеет. Семенов характеризовался как решительный борец против большевиков без определенной политической программы, действующий при помощи японцев и англичан¹⁵. Из этого напрашивался вывод о том, что антибольшевистское движение на русском Дальнем Востоке и в Сибири находится еще в процессе становления, и США преждевременно предпринимать какие-либо шаги.

Не случайно Маклакова в начале мая беспокоило именно то, что данная «пауза» может слишком затянуться. Со своей стороны, в письме Бахметеву он высказывал мнение, что союзникам под благовидным предлогом продолжения войны с немцами следовало бы высадить войска на Дальнем Востоке. Их поддержка, «активное проявление доброжелательности» к местной власти, «поскольку она не большевистская»,

и помощь населению «в виде товаров, ремонта, даже помощников по управлению», казалось, должны были способствовать появлению на освобожденных от большевиков территориях устойчивого правительства «из местных людей, не гастролеров», готовых вести конструктивный диалог с союзниками¹⁶.

Русские дипломаты отчетливо осознавали, что между потенциальными участниками интервенции имеются серьезные противоречия, а возможности каждого из них различны. Наибольший интерес к идее интервенции проявляли во Франции, о чем в первой половине 1918 г. свидетельствовали, в частности, заявления и действия ведущих политиков и дипломатов – премьер-министра Ж. Клемансо, министра иностранных дел С. Пишона, заместителя политического директора МИД Ф. Бертло, посла в России Ж. Нуланса, главы военной миссии генерала Лаверне и др. Французские дипломаты установили тесные контакты с антибольшевистскими организациями, объединявшими политиков самых разных направлений – от эсеров Н.Д. Авксентьева и Б.В. Савинкова до Кривошеина и Гурко¹⁷. Однако до окончания борьбы на Западном фронте французы могли лишь оказывать им дипломатическую, финансовую и моральную поддержку¹⁸. Поздней весной 1918 г. русские дипломаты рассчитывали и на участие в интервенции англичан, утративших надежду договориться с большевиками¹⁹. Энергичный молодой секретарь российского посольства в США И.И. Сукин, направленный Бахметевым в Париж и присутствовавший на заседаниях Высшего военного совета союзников, сообщал в начале июня, что «на конференции обнаружилось весьма отрадное сочувствие Англии к идее интервенции, причем замечается отчетливый перелом в отношении Англии к большевизму»²⁰. Впрочем, британские ресурсы также были весьма ограничены (хотя, видимо, на них полагались более, чем на французские), а внешняя политика Лондона, по сравнению с Парижем, отличалась большим прагматизмом и непредсказуемостью.

Инициативную роль в интервенции могла сыграть Япония. Объявив себя союзницей Антанты, она активно проводила экспансию в Китае и на Тихом океане. Япония не вела крупных боевых операций, ее войска были готовы к решительным действиям. 28 апреля 1918 г. посол Японии в США К. Исии заявил Лансингу, что его страна может направить в Россию до 250 тыс. солдат, имея еще 150 тыс. для пополнения сил²¹. Их доставка в Сибирь, учитывая близость японских берегов, не представляла особой сложности. Деньги на поддержку антибольшевистских сил у Японии имелись. «Но все, конечно, зависит от Японии, – писал Кудашев Маклакову в конце мая. – Ничего здесь не может быть предпринято без них или против их желания». Решительными сторонниками японской интервенции были Крупенский и бывший член Государственной думы кадет С.В. Востротин, совершивший в апреле и июне 1918 г. две поездки в Японию, где он убеждал парламентариев и военных в необходимости вмешательства в дела России²². По мнению Бахметева, эти дипломаты, связанные с торгово-промышленными кругами, были уверены в том, что японцы способны быстро и энергично навести порядок и вернуть людей «к нормальной работе». При этом они не только усматривали у японцев «определенно-отрицательное отношение к социалистам», но и полагали, «что Япония, как страна бедная, не опасна в смысле конкуренции»²³. Вдобавок японцы не были особенно щепетильны в оценке политических пристрастий и методов борьбы Семенова, Хорвата или Колчака, и соглашались помогать им.

Тем не менее перспектива односторонних, без соответствующего контроля со стороны Антанты и США, японских действий на территории России белых дипломатов не прельщала. В частности, Маклаков обращал внимание Крупенского и Востротина на то, что значительная часть русских воспринимала Японию скорее как врага, желающего воспользоваться бессилием соседнего государства для захвата его территорий. Схожих взглядов придерживались и лидеры США, и их западноевропейские партнеры²⁴. Другое дело – идея использования японских войск для установления контроля над Транссибирской магистралью с согласия и по поручению западных держав, которая с конца 1917 г. выдвигалась британской и французской дипломатией²⁵. Но и подобные планы длительное время не находили понимания у Вильсона и его ближайшего друга и

советника полковника Э. Хауза. Американцы опасались, что это подтолкнет Японию к экспансии на русском Дальнем Востоке и в Сибири, и в дальнейшем она может «выйти из-под контроля», тогда как настроения миллионов русских разительно изменятся и обернутся против Японии и ее союзников и в пользу Германии²⁶. «Я никогда не изменял своего мнения, что посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой, – писал Хауз Вильсону 2 февраля 1918 г. – Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред»²⁷.

В конце февраля 1918 г. в Токио прозвучало заявление министра иностранных дел Японии И. Мотоно о готовности направить в Россию войска и согласовать их действия с союзниками, а также о незаинтересованности Японии в территориальных захватах. Следуя советам Лансинга и учитывая все возраставшее давление европейцев, Вильсон уступил. Около 28 февраля им был составлен для ознакомления союзников документ, в котором говорилось, что США не будут возражать против обращения союзных стран к Японии с предложением отправить войска в Сибирь для защиты от «вторжения армии и германских интриг». Русские дипломаты решительно протестовали. Бахметев и Сукин утверждали, что высадка одних японских войск усилит в России прогерманские настроения, избежать же этого возможно лишь в случае одновременного появления на Дальнем Востоке контингентов Антанты, США и Японии под руководством представителя Англии, Франции или Америки. Эту позицию поддержал Хауз, сотрудник Государственного департамента У. Буллит и помощник советника государственного секретаря Г. Окинклосс, убедившие Вильсона вернуться к прежней линии²⁸.

Со своей стороны, ведущие японские политики и военные не хотели осложнять отношения с США и союзниками и опасались, что «друзья-соперники» втянут Японию в такую авантюру на бескрайних просторах России, из которой потом трудно будет выпутаться²⁹. В Токио вовсе не сочувствовали желанию некоторых британских политиков, чтобы японская «экспедиция обязательно продвинулась за Урал», и стремились поживиться чем-то находящимся ближе к собственным берегам. Поэтому японцы добивались санкции на свое вторжение в Россию не только у Антанты, но и у США³⁰.

В отличие от иных возможных участников интервенции, США представлялись белым дипломатам едва ли не идеальным кандидатом на роль бескорыстного друга, способного помочь русскому народу навести порядок в «своем доме». Демократическая природа американских политических институтов, объявленные Вильсоном идеалистические мотивы участия в войне, представления о чуть ли не безграничных экономических и финансовых ресурсах Соединенных Штатов и способности их лидеров в короткий срок решать грандиозные задачи (создание сильной армии, мобилизация нации на победу в войне и проч.) у многих русских порождали иллюзию, что только необъяснимое нежелание или надуманные предлоги могут помешать Вильсону низвергнуть большевиков. В основе таких представлений лежало непонимание политических и иных реалий американской демократии. Чувствуя это, Бахметев указывал на необходимость учитывать существующую в США систему «сдержек и противовесов» и ее влияние на действия главы исполнительной власти. Призывая в конце апреля 1918 г. «покинуть почву общих рассуждений» и перейти к «конкретной постановке вопроса об интервенции перед союзниками и Америкой», русский посол заявлял: «Повторяю однако, что такой план должен считаться с некоторыми непоколебимыми американскими принципами, являющимися вопросами объективного факта, независимо от того, как бы их не оценивать»³¹.

Среди факторов, препятствовавших принятию в Белом доме решения об интервенции, Бахметев особо отмечал слабое знание России заокеанскими политиками и их не до конца еще рассеявшиеся заблуждения «относительно возможности кооперации с местными советами, которые в глазах Америки почему-то не отождествляются с большевизмом»³². Передававшаяся «различными мало разбирающимися в русских делах американскими осведомителями»³³ информация искажала картину Гражданской войны и создавала «ребусы» даже для умудренных богатым военным и политическим опытом государственных мужей.

Между тем круг авторитетных для Запада русских деятелей среди противников большевиков значительно сузился. «Все политические репутации подверглись такой переоценке во время революции и так скомпрометированы своей неумелостью, что я не вижу имен, которые могли бы импонировать из заграницы», – констатировал Маклаков в начале мая 1918 г.³⁴ Олицетворявшие «белое дело» Алексеев, Корнилов, Колчак, Семенов, Хорват доверия у американцев не вызывали: «Здесь, – сетовал Бахметев, – обнаруживается снова склонность к выжиданию, в особенности ввиду новых событий в России, пока столь не ясных и как будто смущающих американцев, которые, к сожалению, всегда будут бояться призрака реакции»³⁵.

И все же Бахметеву казалось, что симпатии высших чинов вильсоновской администрации, несмотря на их демонстративное стремление держаться «равноудаленно» от участников междоусобицы в России, были на стороне антибольшевистских сил. «Из разговоров в Министерстве иностранных дел я получил впечатление, что американцы, продолжая стоять на принципиальной позиции невмешательства в гражданскую войну в России, серьезно заинтересованы последними успехами движения», – сообщал он Маклакову в середине мая 1918 г.³⁶ Однако Бахметев, контактировавший с сотрудниками Государственного департамента, упрощал ситуацию. Если Лансинг, Полк и третий секретарь Б. Лонг, ведавший «русскими делами», действительно симпатизировали белым, то ведущие военные чины – представлявший США в Высшем военном совете союзников генерал Т. Блисс и начальник штаба американской армии П. Марч полагали, что Америке следует сосредоточить все свои усилия на Западном фронте. Военный министр Н. Бейкер с предельной откровенностью писал президенту 19 июня 1918 г.: «Я убрал бы из России всех, кроме русских... дал бы им успокоиться и решать свои собственные дела»³⁷. Вильсон, учитывавший разноречивые мнения, колебался.

И Маклаков, и Бахметев были решительными сторонниками установления в будущем в России демократии. Но в условиях Гражданской войны они не считали это возможным. «Не ищите легальных основ для действий, – писал в конце апреля Маклакову Бахметев. – Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов. Только им пока обеспечен успех. Глубоко огорчен несочувствием Америки выступлениям Семенова и Алексева. Национальное движение в России сосредоточивается около подобных попыток, а не заграничных конференций. Поэтому, всячески сочувствуя Вашей мысли морально поддержать вмешательство извне и для этого объединить заграничные русские силы, думаю, что настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России военной силы, пришедшей на ее защиту»³⁸.

Между тем весной 1918 г. в Вашингтоне и Париже набралось достаточно свидетельств того, что идею иностранной интервенции в России одобряют многие политические силы, входившие в широкую, но разношерстную антибольшевистскую коалицию. Так, 3 июня 1918 г. Маклаков сообщал Бахметеву о позиции ЦК кадетской партии: «Мы можем заверить самым решительным образом, что сведения, будто русская демократия не сочувствует союзной помощи, ложны». Позднее посол в Париже делился с американским коллегой поступившими из России сведениями о том, что в Америку выехал представитель партии социалистов-революционеров О.С. Минор, которому поручалось заявить о поддержке интервенции партийным руководством, а также о «телеграмме патриарха Вильсону, обещающей помощь Церкви делу союзников»³⁹. «Из разнообразных и точных источников России прихожу к несомненному и согласованному с Вами заключению, что иностранное вмешательство ожидается с нетерпением... – в конце апреля делился своими наблюдениями с Маклаковым Бахметев. – От октябристов до социалистов-революционеров все согласны на японское вмешательство, если оно будет по поручению держав»⁴⁰. В США посыпались петиции. В Америку из Франции, сообщал Маклаков Бахметеву, послано обращение «за подписью полтораэта имени». Высказывалась идея «командировать» за океан ведущих политиков и через них добиваться американской помощи. «Пишон считает желательным поездку Василия Алексеевича (Маклакова. – С.Л.) в Америку, – писал в начале июля

Сукин. — Указывает также на желательность использовать Терещенку, который здесь ожидается на днях»⁴¹.

Конечно, никто из белых политиков не сомневался в том, что предполагаемое выступление союзников будет направлено против большевиков. И все же 20 июня Маклаков признавал, что в отношении интервенции «некоторые сомнения и колебания есть и в России». Как указывалось в заявлении ЦК кадетской партии, «отношение русского общественного мнения к союзному действию находится в зависимости от условий его осуществления». Необходимо было обеспечить единство усилий союзников и русских антибольшевистских сил. При этом кадеты желали, «чтобы русское общественное мнение получило уверенность в том, что суверенные права государства и неприкосновенность его территории на Дальнем Востоке будут ограждены». Кроме того, участникам интервенции следовало «избегать создания новых лишений для истомившегося населения». По словам А.Ф. Керенского, «Союз возрождения» летом 1918 г. был готов поддержать интервенцию, если от ее участников последует «открытое обращение к России, заверяющее территориальную неприкосновенность и невмешательство в русские дела и призыв русским к помощи и содействию»⁴².

Готовя вторжение союзников на востоке России, русские дипломаты пытались учесть возможную реакцию на их высадку местного населения. Крупенский в середине мая свидетельствовал: «За союзное вмешательство стоят откровенно все несоциалистические группы, сочувствуют и правые социалисты, но, по практическим соображениям, скрывают это». Демократическое совещание в Харбине 17 и 21 июня 1918 г., по сведениям Бахметева, выявило широкий разброс мнений: «Большинство промышленников хотя японской интервенции, остальные цензовые элементы — японцев, но под контролем англичан и французов, интеллигентные социалисты — смешанных отрядов всех союзников, рабочие — никакого иностранного вмешательства. В Харбине у населения мало симпатий к американцам»⁴³. Учитывая столь сложную обстановку, в конце апреля Маклаков просил Востротина сообщить: «Возможно ли получить от каких-либо организованных демократических или иных сил заявление о сочувствии японскому выступлению, что крайне облегчило бы согласие Америки на это?»⁴⁴

Русские сторонники западной интервенции старательно избегали любых опрометчивых заявлений и шагов. «Сочувствую мысли поддерживать вмешательство именем находящихся за границей русских..., но отношусь скептически к мысли выписывать людей из России, например Савинкова и Церетели», — делился своими сомнениями с Маклаковым в конце апреля 1918 г. Бахметев, считавший, что серьезных людей придется отрывать от дела, и опасавшийся «упорных споров по мелким разногласиям». «Характерно также, — отмечал он, — что Вильсон отказывается принимать и выслушивать мнение русских, отклонившись от беседы с Коноваловым и находящейся здесь Бочкаревой». Объяснение этому, как утверждал Бахметев, «видят в невозможности избежать слухов, что на беспристрастное решение Америки было оказано давление», вследствие чего «американское правительство пока относится с нескрываемым опасением» к появлению в Вашингтоне русских политиков. Впрочем, предполагал посол, обстоятельства получат «совершенно иной оборот в случае, если решение будет уже принято Вильсоном»⁴⁵.

Бахметев прекрасно понимал, что президент вынужден учитывать военные и экономические возможности США, а также настроения в стране, где приближались выборы в конгресс. Сказывались и личные качества Вильсона, его нерешительность, привычка осторожничать. «С ужасом вижу, — сокрушался в конце апреля Бахметев, — что Вильсон слишком медленно понимает, что надо делать, и избытком корректности губит Россию»⁴⁶.

В то же время Бахметев видел, что в США нарастает убежденность в «необходимости исчерпать все средства, способные угрожать немцам», а это создает «благоприятную обстановку для согласия Америки на энергично предложенный ей союзниками план» вмешательства в дела России. В марте 1918 г. началась высадка английских и французских войск на севере России, которая обосновывалась угрозой захвата Мур-

манска и Архангельска немцами, обращением эсеров-меньшевистского исполкома мурманского совета к союзным силам за помощью и даже надеждой на то, что эти действия найдут поддержку у большевистского руководства в Москве. Учитывая ограниченный характер операции на русском Севере, а также отсутствие там пресловутого «японского фактора», Вильсона удалось убедить поддержать эту меру⁴⁷. В начале июня американцы присоединились к силам Антанты в Мурманске.

Между тем с востока России приходила информация о вооружении большевиками военнопленных стран Четверного союза, об угрозе захвата ими складов с военным имуществом. Это, казалось, подталкивало союзников к направлению туда своих войск, и русские дипломаты подбрасывали западным партнерам дополнительные факты в пользу такого решения. 17 мая Бахметев сообщал со ссылкой на некоего агента из Харбина «достоверные сведения» о том, что «среди противников Семенов уничтожил двести венгров». Востротин в конце апреля напоминал, что «продовольственные ресурсы... Сибири велики и могут быть использованы германцами при посредстве систематически вооружаемых большевиками военнопленных, коими возможен захват Сибирской железнодорожной магистрали». 29 июня, нагнетая напряжение, он извещал Маклакова о том, что «свергнутая в некоторых городах Сибири при содействии чехословаков большевистская власть начинает переходить к вооруженным пленным, руководимым из Москвы Мирбахом»⁴⁸. С точки зрения международного права высадку союзников на востоке России Бахметев обосновывал тем, что «непризнание почти всеми партиями Брестского мира равносильно признанию России воюющей стороной и разрешению перенести военные действия на ее территорию»⁴⁹.

В мае–июне сторонники интервенции увидели угрозу со стороны большевиков 60-тысячному чешскому корпусу, спешившему по Транссибирской магистрали через бескрайние просторы России во Владивосток, чтобы оттуда отправиться на фронт во Францию. «Вы знаете, что явная необходимость защиты их (чехов. – С.Л.) против большевиков может послужить толчком для Америки и хорошим поводом для интервенции», – писал Маклаков Бахметеву⁵⁰. Подобные аргументы, убедительные для общественного мнения западных стран, Маклаков предлагал выдвинуть на первый план, приглушив «антибольшевистские мотивы», поскольку, как признавал посол, «поддерживать здоровые элементы страны... в конце концов все-таки равносильно вмешательству во внутренние дела»⁵¹.

В мае 1918 г. Маклаков и Сукин пытались объединить союзных дипломатов, выработав приемлемые для американцев условия высадки в России. Поскольку ожидалось, что «немцы постараются рассорить союзников, парализуя совместные их действия»⁵², посол в Париже готов был согласиться на то, чтобы Япония с общего согласия начала действовать одна, а страны Антанты и США «подтянулись» бы потом. «Я довольствовался бы тем, – признавался он, – чтобы знать, что момент назрел, что Япония в Сибири не встретит негодующего отпора, а затем употребил бы все меры, чтобы убедить Вильсона, что, если он действительно хочет блага России, то медлить нельзя»⁵³. В начале июня 1918 г. Сукин, присутствовавший на заседаниях Высшего верховного военного совета союзников, доносил Бахметеву: «В результате обсуждения три союзных правительства пришли к решению сделать настойчивое выступление в Вашингтоне, опираясь на повелительную необходимость отвлечения германских сил на восточный театр. Однако, предварительно выступления в Вашингтоне, решено добиться от Японии формального согласия на ту форму вмешательства, которая была бы приемлема как для Америки, так и для России... Надеюсь парализовать, таким образом, одно из главных возражений, которое тревожит Америку, союзники предполагают обнаружить при своем воздействии в Вашингтоне, одновременно и решительность – в отношении военной повелительности интервенции – и гибкость в вопросах формы и выполнения»⁵⁴.

В вовлечении Америки в интервенцию белые дипломаты больше всего уповали на помощь французов. Сукин сообщал Бахметеву из Парижа: французское правительство «посылает инструкции Бергсону, выехавшему только что в Америку для воздействия на Вильсона. Инструкции эти, как заявил Пишон, всецело основываются на высказанных

нами соображениях и предлагаемой нами новой постановке вопроса. Бергсон вступит с Вами в связь для окончательного выяснения всех обстоятельств. Ему поручено представить Вильсону энергичное предложение и по возможности конкретный план действий». Французскому посольству в США и миссии Тардьё предписывалось работать «в целях убедительной пропаганды и освещения перед американским общественным мнением необходимости истинного характера намечаемой интервенции»⁵⁵.

И все же целесообразность вмешательства во внутренние дела России до конца вызвала у Вильсона сомнения. Бахметев внимательно наблюдал за его колебаниями. «Вопрос о союзной помощи России находится на пути к решению», – писал он 1 июля. Даже 5 июля, накануне принятия президентом решения о согласии направить войска в Россию, Бахметев проявлял сдержанность: «Не усматривая в настроениях Вильсона признаков, которые давали бы основания пессимистическому прогнозу, тем не менее считаю, что решение далеко еще не созрело»⁵⁶. Только 6 июля в его письме Маклакову прозвучало долгожданное: «Весьма доверительно... время подоспело. За последние дни союзная дипломатия в самой энергичной форме представила непосредственно Вильсону мнение союзных военных начальников. Хотя со стороны Америки последовали возражения относительно негодности разбивать усилия посылкой войск на новый фронт, однако президент, по-видимому, примирился с желанием союзников, особенно ввиду новой постановки всего вопроса, предусматривающей для начала черпать подкрепления из японского резерва». Бахметев констатировал, что заявление Вильсона «по существу является переходом к активным действиям»⁵⁷. При этом еще 1 июля он исходил из того, что важно само «активное выступление, которое несомненно разрастется и примет грандиозные размеры, столь свойственные [при] всяком американском начинании»⁵⁸.

Однако действия президента настраивали на осторожность в прогнозах. Он медлил и источал неуверенность в правильности принятого решения. Объявленные цели интервенции выглядели весьма расплывчатыми⁵⁹, ее срок фактически ограничивался завершением мировой войны. И правящая элита, и американское общество в целом восприняли ее без особого энтузиазма, как неизбежную часть борьбы против Германии. Отношения США с союзниками и особенно с Японией уже в начале интервенции были натянутыми, что не могло не сказаться в будущем. В то же время от идеи возобновления диалога с Лениным и его единомышленниками в столицах западных держав не спешили отказываться. А потому практичный Бахметев, заметивший многие «шероховатости», полагал, что дальнейшее развитие интервенции может произойти только при «соответствующем повороте событий в России»⁶⁰. Посол надеялся на появление национального антибольшевистского правительства, на объединение вокруг него широкой коалиции политических сил, на координацию военных усилий различных армий, которая обеспечила бы успех «белого дела» и придала бы ему массовый характер. Но еще в середине мая он четко осознавал, что пока движение это «не приобретет значительных размеров и пока оно не обнаружит с достаточной ясностью его широкий национальный характер, рассчитывать на поддержку Америки нельзя»⁶¹.

Западные демократии начали вмешательство с большой осторожностью, имея основательные сомнения в его целесообразности, обоснованности, успехе и благоприятных последствиях. У белых дипломатов начало интервенции пробудило как надежды, так и разочарования. На деле результат предприятия был плачевен, как бы ни пытались его участники впоследствии спасти лицо. Летом 1919 г., когда неудача союзников становилась все более и более осязаемой, З.Н. Гиппиус, тонко улавливавшая состояние страны, записала в дневнике: «О, эта пресловутая “интервенция”! Хоть бы раньше, чем произносить это слово, европейцы полюбопытствовали взглянуть, что происходит с Россией. А происходит приблизительно то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски – и пируют. Не ясно ли, что свободным, не связанным еще, – надо (и легко) столкнуть татар с досок. И отнюдь, отнюдь не из “сострадания”, а в собственных интересах, самых насущных! Ибо эти новые татары такого сорта, что чем дольше они пируют, тем грознее опасность для соседей попасть

под те же доски. Но, видно, и соседей наших, и Антанту Бог наказал – разум отнял. Даже просто здравый смысл. До сих пор они называют этот необходимый, и такой нетрудный, *внешний толчок*, жест самосохранения – “вмешательством во внутренние дела России”. Когда рассеется это марево? Не слишком ли поздно?»⁶²

Примечания

¹ См., в частности: *Мальков В.Л.* США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125–146; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, 1995; *Kennan G.* The Decision to Intervene. L., 1958; *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Boris Bakhmeteff and the United States // Diplomatic History. 1978. Vol. 2. N 3. P. 237–256; *Trani E.* Woodrow Wilson and the Decision to Intervene in Russia: A Reconsideration // Journal of Modern History. 1976. Vol. 48. N 3. P. 440–461; *Unterberger B.M.* America's Siberian Expedition. 1918–1920: A Study of National Policy. Durham, 1956; etc.

² Об отношении к Октябрьской революции русского дипломатического корпуса, в большинстве своем ее не принявшего, см.: *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно секретно и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001. С. 44–57; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. С. 27–92; *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 57–73; *Killen L.* Op. cit.

³ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 225, л. 52 об.–53.

⁴ *Ганелин Р.И.* Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975. С. 91–99, 106–113, 166–184; *Carley M.* Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War 1917–1919. Kingston etc., 1983. P. 34–38; *Gardner L.C.* Wilson and Revolutions. 1913–1921. Philadelphia, 1976. P. 35–38; etc.

⁵ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 44 об.

⁶ *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164.

⁷ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 73 об.

⁸ Там же, л. 7.

⁹ Там же, л. 6. А.В. Кривошеин, В.И. Гурко и ряд представителей партии кадетов, монархических групп, «Совета общественных деятелей», «Союза земских собственников», «Торгово-промышленного комитета» создали в марте 1918 г. в Москве «Правый центр», ориентировавшийся на поддержку Германии в борьбе с большевиками. Просоюзнически настроенные члены центра (в том числе М.М. Федоров) в мае-июне 1918 г. образовали другую организацию – «Национальный центр».

¹⁰ Там же, л. 4.

¹¹ Там же, л. 4, 6.

¹² Бывший комиссар Временного правительства на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, поддерживаемый консервативно настроенными офицерами и русскими дипломатическими кругами, летом 1918 г. возглавил Дальневосточный комитет «Защиты Родины и Учредительного собрания». Для американцев более привлекательной фигурой являлся правый эсер П.Я. Дербер (глава Временного сибирского правительства), с марта 1918 г. спасавшийся в Харбине от большевиков. Перебравшись вскоре во Владивосток, Дербер обратился за помощью к американскому консулу Дж. Колдвеллу и командующему Азиатским флотом США О.М. Найту, который и сообщил в Вашингтон об образовании автономного правительства «союзнической ориентации», готового бороться с прогерманскими силами «к востоку от Уральских гор». Не остался без внимания Вашингтона и популярный среди военных адмирал А.В. Колчак, по совету русского посла в Пекине Н.А. Кудашева прибывший в зону КВЖД и занимавшийся там формированием воинских частей. Однако самым боевым казался забайкальский казак Г.М. Семенов, постоянно тревоживший красных своими вылазками из Маньчжурии и укравшийся там, когда ему начинало изменять счастье. В мае 1918 г. Семеновым было объявлено о создании Временного забайкальского правительства. Всех этих лидеров, находившихся в непростых отношениях друг с другом, поддерживали японцы, англичане и французы. Американцы держались более настороженно и выжидательно (*Foglesong D.* Op. cit. P. 151–154; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia. 1914–1921. Lawrence,

2001. Р. 266–268; *Unterberger B.M.* Op. cit. Р. 14–18). О развитии антибольшевистских центров на Востоке России в октябре 1917 – ноябре 1918 г., их программах и лидерах подробнее см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. М., 2007. С. 27–224; *Morley J.* The Japanese Thrust in Siberia. N.Y., 1957. Р. 167–212.

¹³ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 54 об.

¹⁴ Там же, л. 22 об.–23 об. Хорват к этому времени сформировал «Всероссийское правительство» и возглавил его Деловой кабинет (июль–сентябрь), а 9 июля в станице Гродеково объявил себя «временным правителем», вплоть до восстановления порядка в стране и созыва свободно избранного Учредительного собрания. См.: С Колчаком – против Колчака: Краткий биографический словарь. М., 2007. С. 150.

¹⁵ The Papers of Woodrow Wilson (далее – PWW). Vol. 47. Princeton, 1984. Р. 397–399.

¹⁶ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 5–6.

¹⁷ *Carley M.* Op. cit. Р. 33–71.

¹⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 14.

¹⁹ Значительная часть английской политической элиты после ноября 1917 г. энергично поддерживала идею вмешательства в России, взаимодействуя с французами и добиваясь согласия американских политиков. В декабре 1917 г. в Париже состоялись секретные переговоры помощника министра иностранных дел лорда Р. Сесилия и министра британского кабинета Р. Милнера с Клемансо и Пишоном, завершившиеся подписанием меморандума о координации антибольшевистских действий двух стран на юге России. В Вашингтоне идею интервенции и участия в ней США активно «продвигал» посол Великобритании Р. Ридинг, а также пользовавшийся доверием президента В. Вильсона и поддерживавший неформальные контакты с британским военным кабинетом разведчик и дипломат У. Вайзман (См.: *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 27–29; *Carley M.* Op. cit. Р. 27, 204; *Fowler W.* British-American Relations. 1917–1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969. Р. 165–194; *Trani E.* Op. cit. Р. 446–447, etc.

²⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 26. Решения работавшего в Париже Высшего верховного военного совета союзников, состоявшего из военных представителей участвовавших в боевых действиях на Западном фронте стран (от США – генерал Т. Блисс), весной 1918 г. стали одним из основных путей воздействия Англии и Франции на Вашингтон в пользу его участия в интервенции на территории России.

²¹ *Unterberger B.M.* Op. cit. Р. 44.

²² АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 14 об.; Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. С. 73.

²³ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 49 об.

²⁴ Там же, л. 2, 3.

²⁵ Министр иностранных дел Англии А.Дж. Бальфур в посланиях в Государственный департамент США и Хаузу в конце января 1918 г. доказывал, что «контролируемая» союзниками интервенция таила бы в себе меньшую угрозу захвата русских земель японцами, чем их самостоятельные действия. Он считал, что русское население скорее согласится на вмешательство союзников, нежели на подчинение всей России Германии. Предполагалось также, что установление японского контроля над Транссибирской магистралью позволит поддерживать силы антибольшевистской оппозиции в различных регионах бывшей Российской империи. *Unterberger B.M.* Op. cit. Р. 24–25. См. также: *Morley J.* Op. cit. Р. 31–32.

²⁶ «Японский фактор» во многом сдерживал принятие Вильсоном решения об интервенции на востоке России. 29 мая, беседуя с У. Вайзманом, он говорил, что если бы англичане и американцы смогли высадить во Владивостоке значительные силы и наступать вдоль Транссибирской железной дороги, это побудило бы русских «выступить на защиту своей страны» против большевиков, однако если наступление предпримут японцы, даже с согласия союзников, русские будут сражаться против них (см.: *Fowler W.B.* Op. cit. Р. 179–180).

²⁷ Архив полковника Хауза (дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1919 гг.). Т. III. М., 1937. С. 275–277.

²⁸ Там же. С. 294–295; *Killen L.* Op. cit. Р. 240. 5 марта Вильсон обсуждал с помощником государственного секретаря Ф. Полком план «ограниченной экспедиции» на Востоке России с участием 14 тыс. японских войск, «уравновешенных» меньшими по численности контингентами англичан (до 2 тыс.), американцев (до 3.5 тыс.) и французов (400 человек). См.: PWW. Vol. 46. Princeton, 1984. Р. 544. Данный проект, однако, не встретил энтузиазма у японцев, и Вильсон на время от него отказался (*Foglesong D.* Op. cit. Р. 146–151).

²⁹ Политическая и военная элита Японии старалась не упустить благоприятные внешнеполитические возможности, открывшиеся в результате ослабления России и занятости западных держав войной в Европе. В странах Антанты и США было известно о борьбе между сторонниками интервенции (министр иностранных дел Мотоно и сменивший его на этом посту в конце апреля Ш. Гото, заместитель начальника Генерального штаба Г. Танака, военный министр К. Осима) и приверженцами более умеренного курса (занимавший до апреля 1918 г. пост посла Японии в России К. Утида, кандидат в премьер-министры К. Хара, бывшие министры иностранных дел Т. Като, Н. Макино и К. Исии, маршал А. Ямагата). Ряд влиятельных фигур, включая премьер-министра М. Тэраути, колебались, склоняясь скорее к интервенции. Поэтому ведущие японские политики то заявляли о намерении действовать в Сибири самостоятельно, то уверяли в отсутствии каких-либо агрессивных замыслов и желании работать в согласии с западными союзниками и США (См.: *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. СПб., 2006. С. 86–112; *Morley J.* Op. cit. P. 56–59, 141, 269–274, etc; *Unterberger B.M.* Op. cit. P. 28, 30, 45, 49–50, etc).

³⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 22 об., 23 об.

³¹ Там же, л. 4 об.

³² Там же, л. 41 об.

³³ Там же, л. 44 об.

³⁴ Там же, л. 4.

³⁵ Там же, л. 43 об. Так, весной 1918 г. у американцев не было устоявшегося мнения о Г.М. Семенове. Посол США в Японии П. Рейнш считал его «реакционным военным правителем старого типа». Однако решительная борьба с большевиками расположила к нему профессора Д. Бэрроуза, работавшего на военную разведку США, и Б. Майлза, который в подготовленном в мае для Лансинга меморандуме признавал, что боевые успехи атамана «превызошли все ожидания». «О нем сообщают то как о либерале, то как о реакционере, — отмечал Майлз. — Кажется, первое ближе к истине» (PWV. Vol. 48. Princeton, 1985. P. 104–106). См. также: *Foglesong D.* Op. cit. P. 152–153).

³⁶ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7 об.

³⁷ *Coffman E.* The Hilt of the Sword. The Career of Peyton C. March. Madison etc., 1966. P. 77–78.

³⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 8.

³⁹ Там же, л. 23–24, 37. По-видимому, Минор до США не доехал. После прихода к власти большевиков, бегства из Москвы, где его освободили из тюрьмы ВЧК «до суда» под залог в 10 тыс. руб., и длительных скитаний по России (Симбирск, Уфа, Омск, Владивосток) он эмигрировал в Париж (*Сухомлин В.В.* Полвека на службе революции (к 70-летию О.С. Минора) // Воля России. 1931. VII–IX. С. 603–610).

⁴⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7.

⁴¹ Там же, л. 29, 37.

⁴² Там же, л. 23, 37, 56. Антибольшевистский Союз возрождения России был создан в марте 1918 г. по инициативе видных представителей народных социалистов (Н.В. Чайковский, А.В. Пошехонов, В.А. Мякотин), эсеров (Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаковский), меньшевиков-оборонцев (В.Н. Рязанов и др.), членов плехановской группы «Единство» и кадетов (Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, кн. Д.И. Шаховской).

⁴³ Там же, л. 6 об.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ Там же, л. 7, 41 об. Состоявший тогда при русском посольстве в США бывший министр торговли и промышленности Временного правительства А.И. Коновалов в своих письмах в Государственный департамент решительно поддерживал идею высадки в России союзных и японских войск под французским или американским руководством и высказывался в пользу установления тесных торговых отношений между Антантой, США и русскими деловыми кругами. С одним из этих писем Лансинг в конце июня ознакомил Вильсона. В нем Коновалов излагал свое видение целей интервенции, которая должна была защитить русский народ от агрессии со стороны Германии и обеспечить его права выбирать путь развития страны (PWV. Vol. 48. P. 406–410). Неизвестно, удалось ли Коновалову получить аудиенцию у Вильсона. Однако 10 июля президент принял в Белом доме сражавшуюся с лета 1917 г. в рядах женского «батальона смерти» и настроенную резко антибольшевистски М.Л. Бочкареву. По свидетельству очевидцев, он очень эмоционально воспринял ее рассказ о своей жизни и ратном труде, а также просьбу поддержать белые силы в России (*Saul N.* Op. cit. P. 286, 290–292; *Unterberger B.* Op. cit. P. 61).

⁴⁶ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 8.

⁴⁷ Там же, л. 4 об.

⁴⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 1 об., 7 об.; 45 об. Сообщения относительно числа, национального состава, организованности военнопленных стран Четверного союза на территории Сибири и степени вовлеченности их в действия, способные нанести ущерб интересам союзников, поступали с декабря 1917 г. от консулов США во Владивостоке и Иркутске, от американских военных и членов железнодорожных миссий, а также от специально работавшей на месте англо-американской комиссии У. Вебстера – У. Хикса. При этом число вооруженных большевиками австрийцев и венгров в общей сложности не превышало нескольких тысяч человек (*Unterberger B.* Op. cit. P. 45–47; *Filene P.G.* *Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933.* Cambridge, 1967. P. 43–44).

⁴⁹ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7.

⁵⁰ Там же, л. 36.

⁵¹ Там же, л. 5.

⁵² Там же, л. 15. Отметим, что первым серьезным шагом, положившим начало интервенции, стала высадка во Владивостоке 5 апреля 1918 г. двух рот японской и полуроты английской морской пехоты, в ответ на нападение «неизвестных лиц» на местное отделение японской торговой фирмы «Исидо». На следующий день их усилили 250 японских моряков.

⁵³ Там же, л. 4–6, 15.

⁵⁴ Там же, л. 26. Узнав, что на заседании Высшего верховного совета 3 июня будут рассматриваться вопросы о направлении японских войск в Россию, о поддержке этих действий Англией и Францией, а также о формах американского участия, Т. Блисс, представлявший США в этой организации, запросил инструкции из Вашингтона. Позицию президента ему передал генерал П. Марч: Вильсон считал интервенцию «через Владивосток» неосуществимой и возражал против компенсаций Японии за участие в боевых операциях за счет территории России. Со своей стороны, союзники желали, чтобы Япония приняла условия не посягать на территориальную целостность России, не вмешиваться в ее внутренние дела и действовать лишь против германской угрозы. Японцы умело парировали этот маневр, заявив 23 июня, что пока союзники не согласуют свою позицию с американской, Япония не считает возможным отвечать на запрос западноевропейских держав (*Kennan G.* Op. cit. P. 384; *Morley J.* Op. cit. P. 225–230).

⁵⁵ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 29. Близкий к Ж. Клемансо политик и дипломат А. Тардьё был направлен в годы войны в США в качестве верховного комиссара Франции. Взявший на себя дипломатические функции знаменитый философ А. Бергсон прибыл в США в июне 1918 г.

⁵⁶ Там же, л. 40 об., 44 об.

⁵⁷ Там же, л. 47 об. Решение об участии США в интервенции было принято 6 июля на встрече В. Вильсона с членами кабинета – Р. Лансингом, Н. Бейкером, Дж. Даниельсом, а также начальником штаба американской армии генералом П. Марчем и адмиралом Бенсоном (См.: *Kennan G.* Op. cit. P. 395–397).

⁵⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 41 об.

⁵⁹ *Kennan G.* Op. cit. P. 398.

⁶⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 47 об.

⁶¹ Там же, л. 54 об., 7 об.

⁶² *Гинтуис З.Н.* Петербургские дневники // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Т. 1. Кн. 2. 1910–1925. М., 1990. С. 199.